

75 лет назад Президиумом АН СССР была создана Чрезвычайная комиссия Академии наук СССР по делу академика Лузина. В 1999 г. по математическому миру России прошло цунами. Впервые были полностью приведены чудом сохранившиеся в архивах канцелярии стенограммы заседаний этой Комиссии.

Николай Николаевич Лузин (1883–1950) — один из основоположников московской математической школы. Из «Лузитании» вышли академики П.С. Александров, А.Н. Колмогоров, М.А. Лаврентьев, П.С. Новиков; члены-корреспонденты Л.А. Люстерник, А.А. Ляпунов, Д.Е. Меньшов, А.Я. Хинчин, Л.Г. Шнирельман и многие другие математики. Дело Лузина и осуждение «лузинщины» — часть пролога трагедии 1937 г. в России.

Комиссия Академии наук была создана по следам статьи «О врагах в советской маске», появившейся в газете «Правда» 3 июля 1936 г. В ней Лузин обвинен во всех мыслимых для ученого грехах и нарисован человеком, сочетающим «моральную нечистоплотность и научную недобросовестность с затаенной враждой, ненавистью ко всему советскому», врагом, который недалек от черносотенства, православия и самодержавия, «может быть, чуть-чуть фашистски модернизированных».

Про статью в «Правде» и разгром «лузинщины» хорошо знали все ученые старшего поколения. Ни у кого не вызывало сомнений, что запуск кампании по дискредитации Лузина осуществлен симбиозом партийного и репрессивного аппарата СССР. За кулисами кампании маячили мрачные фигуры Э.Я. Кольмана и Л.З. Мехлиса, типичных представителей причины той эпохи. Первый был в те годы заведующим Отделом науки Московского комитета ВКП(б), а второй — главным редактором «Правды». Дело Лузина долгие годы рассматривалось всеми исключительно в контексте общих преступлений сталинского тоталитаризма.

Публикация архивных материалов выявила ранее скрытое обстоятельство: активными участниками политической травли Лузина выступили некоторые его ученики. Главную роль среди них при этом играл П.С. Александров, глава московской топологической школы. Активное участие в заседаниях принимали А.Н. Колмогоров, Л.А. Люстерник, А.Я. Хинчин, Л.Г. Шнирельман. Политическое нападение на Лузина энергично поддержали члены комиссии С.Л. Соболев и О.Ю. Шмидт. В защиту Лузина отважно выступали А.Н. Крылов и С.Н. Бернштейн.

Официальное заключение Комиссии гласило: «Все изложенное выше, резюмирующее многочисленный фактический материал, имеющийся в Академии наук, полностью подтверждает характеристику, данную Н.Н. Лузину в газете «Правда»».

Участники описанных событий давно покинули этот мир. По всей видимости, они не знали о том, что стенограммы заседаний полностью сохранились.

Математический мир очень болезненно переживает и переосмысливает роль учеников Лузина в организации его политической казни.

В публичной травле Лузина не замечены ни П.С. Новиков, ни М.А. Лаврентьев, хотя оба фигурировали на Комиссии в числе обреченных Лузиным. Теперь становится понятным, почему к 90-летию Лузина статью о нем для «Успехов математических наук» М.А. Лаврентьев написал единолично и включил в свою книгу общенаучных публикаций. Он же возглавил редакционную коллегию трудов Лузина, изданных по решению АН СССР уже после кончины Лузина к 70-летию со дня его рождения. Ни П.С. Александров, ни А.Н. Колмогоров в эту редколлекцию не вошли.

Дело Лузина и команда «ЛУЗИТАНИИ»

К лету 1936 г. относится одна из самых трагичных страниц отечественной науки — «дело Лузина». Универсального иммунитета от сталинщины в Академии наук не оказалось. Рассказу о том, что произошло более 70 лет назад, и короткому рецепту, как достойно завершить эту историю, посвящена статья докт. физ.-мат. наук, профессора Новосибирского госуниверситета, главного научного сотрудника Института математики им. С.Л. Соболева Семёна Самсоновича Кутателадзе.

Разъяснения своих отношений с Лузиным, которые при жизни оставили П.С. Александров и А.Н. Колмогоров, по сути одинаковы. Высказанные ими суждения по сей день в той или иной форме разделяются их многочисленными учениками. Подчеркивается, что Лузин был не таким значительным математиком, как затравившие его ученики. Лузину особа настойчиво инкриминируется некоторая моральная вина в ранней

этом есть из ряда вон выходящее или нетипичное для академических нравов? Разве из этого что-то серьезное или трагическое следует? Разве в этом суть «дела» Лузина?

После провала П.С. Александрова на выборах в академики в 1946 г. А.Н. Колмогоров дал публичную пощечину Лузину. Лузин на двадцать лет старше А.Н. Колмогорова. Лузин — учитель А.Н. Колмогорова, с которого не сняты политические обвинения, навешанные при участии П.С. Александрова и А.Н. Колмогорова. Лузин был «прощен», принят на даче у А.Н. Колмогорова и П.С. Александрова перед выборами. Разве кто-то из участников встречи не помнил главного — Лузин повержен и должен подчиняться благородным победителям. Разве это не видно теперь? Разве можно ставить внутринаучные отношения и, допустим, некорректное поведение Лузина и даже его плагиат в один ряд с обвинениями во вредительстве и антисоветчине?

Горькие и тяжелые вопросы... Моральные обвинения против Лузина малообо-

Н.Н. Лузин. Фото с сайта «Википедии»

смерти его ученика М.Я. Сулина от тифа. Нередко говорят, что Лузин сам виноват во всех своих бедах, хотя бы отчасти. Ему приписывают такие черты, как театральность, двуличие, беспринципность, зависть к чужим успехам, плагиатизм и склонность к интриганству. Человек с подобными изъянами личности не мог стать основателем «Лузитании» — самой успешной научной школы в математике. Поэтому бытует не лишняя оснований теория «двух Лузиных» — эпохи Лузитании и эпохи «дела Лузина».

Считается, что Лузин получил по заслугам, а если и не только по заслугам, то не от учеников, а от сталинщины или времени. Это суждение разделяют не только пожилые, но и многие молодые люди. В лучшем случае они с сожалением считают дело Лузина общей трагедией всех его участников. Между тем надо отличать личную трагедию Лузина от трагедии не только московской, но и всей отечественной математики. Сами ученики Лузина, участвовавшие в травле своего учителя, вовсе не считали «дело Лузина» общей с ним трагедией. Они были правы в таком суждении, но совсем не по тем причинам, что декларировали.

Если у Лузина и была вина, она лежала в сфере камеральных математических отношений «учитель — ученик». Хотя сколь-либо убедительных доказательств плагиата Лузина не предьявлено, легко допустить подлинную или кажущуюся несправедливость и предвзятость Лузина в цитировании учеников и подлинную или мнимую слабость Лузина в преодолении математических трудностей. Можно признать двуличие Лузина в решении не голосовать за П.С. Александрова на академических выборах вопреки личному письму к А.Н. Колмогорову о поддержке П.С. Александрова. Разве в

нию Н.Н. [Лузина] из Академии или чему-нибудь подобному. Мы покажемся вниз по наклонной плоскости.

Вот свидетельство от 30 июля 1936 г. выдающегося польского математика В. Серпинского, объявленного «мхоровым черносотенцем» на заседаниях Комиссии АН СССР: «Я придерживаюсь того мнения и того же мнения мои польские коллеги, что присутствие господ Александрова, Хинчина, Колмогорова, Шнирельмана, которые самым нечестным образом выступили против своего бывшего учителя и ложно обвинили его, — нельзя терпеть ни в каком собрании честных людей».

Уже 5 августа 1936 г. Лебег, великий французский математик, автор «интеграла Лебега», пролетарской нет современной математики, написал в состоянии крайнего гнева и возмущения: «...нападки на Лузина с целью его изгнания и освобождения места для Александрова начались не вчера. Вы увидите там, что меня уже приписали к этому, противопоставляя «мою» науку, буржуазную и бесполезную, *analysis situs* [топологию], пролетарской и полезной науке. Потому что первая была наукой Лузина, а вторая — наукой Александрова».

Метод политических обвинений и клеветы был использован против старой московской профессуры много раньше статьи в «Правде». В декларации «инициативной группы» Московского математического общества от 21 ноября 1930 г. в составе Л.А. Люстерника, Л.Г. Шнирельмана, А.О. Гельфонда, Л.С. Понрягина и К.П. Некрасова указано, что «в среде математиков выявились активные контрреволюционеры». Некоторые были названы, например учитель Лузина Д.Ф. Егоров. Незадолго до того Егоров был арестован. Лузин счел за благо покинуть университет (в чем потом был также обвинен учениками).

Как не сочетается это с позицией Лузина, который уже после дикой декларации с участием Гельфонда пишет в своем письме 1934 г. Л.В. Канторовичу, что при выборах в члены-корреспонденты Академии наук по Москве будет «стоять за Гельфонда, сделавшего недавно гениальное открытие». А перед выборами в Академию наук в 1939 г. Лузин пишет В.И. Вернадскому про своих обидчиков: «Владимир Иванович, кандидаты по математике — Соболев и Колмогоров — хорошие. Я буду голосовать за них».

Иллюстрация с сайта «Википедии»

снованны. То, что предьявляется как доказательства, таковыми не было даже в то время ни для П.Л. Капицы, ни для В.И. Вернадского, ни для А. Данжуа, ни для А. Лебега, ни для многих других людей, достигших зрелого возраста.

Протест Капицы выражен 6 июля в письме Председателю Совета Народных Комиссаров СССР В.М. Молотову. На следующий день Вернадский отмечает в своих дневниках: «Письма Лузину, Чаплыгину и Ферману о нем. Многие принимают как доказанную эту клевету и инсинуации». В тот же день Вернадский пишет члену комиссии академику А.Е. Ферману: «Я думаю, что подобная история может оказаться, в конце концов, гибельной для Академии, если она приведет к удале-

Справка от редакции

«Дело Лузина» — разбор его персонального дела Комиссией Президиума АН СССР со 2 июля по 5 августа 1936 г. Начало было положено статьями в газете «Правда» 2 июля 1936 г. «Ответ академику Н. Лузину» и 3 июля 1936 г. «О врагах в советской маске». В заключении последней Лузин обрисован как человек, «продающий интересы науки, торгующий ею в угоду прежним хозяевам вашим, нынешним хозяевам фашизированной науки». Комиссия Президиума работала под председательством вице-президента Академии наук академика Г.М. Кржижановского в составе: академик А.Е. Ферсмана, С.Н. Бернштейна, О.Ю. Шмидта, И.М. Виноградова, А.Н. Баха, Н.П. Горбунова и членов-корреспондентов Л.Г. Шнирельмана, С.Л. Соболева, П.С. Александрова и профессора А.Я. Хинчина. Официальное заключение полностью подтвердило все политические обвинения против Лузина и было опубликовано в «Правде» 6 августа 1936 г.

На основании Заключения Комиссии Президиум АН СССР принял 5 августа Постановление «Об академике Н.Н. Лузине», в котором говорилось: «Относясь по существу нелояльно к советской власти и пренебрежительно к советской науке, принося ей тем прямой вред, он тщательно прикрывался маской крайне угодливой лояльности».

Президиум Академии наук приветствовал выступления «Правды» и указал, что «поведение акад. Н.Н. Лузина несомненно с достоинством действительного члена Академии Наук», но счел возможным «ограничиться предупреждением Н.Н. Лузина, что при отсутствии решительного перелома в его дальнейшем поведении Президиум вынужден будет неотложно поставить вопрос об исключении Н.Н. Лузина из академических рядов».

«Дело Лузина» сильно осложнило последние 14 лет его жизни. Он оказался без работы и оторванным от привычной математической жизни. Однако в 1939 г. В.С. Кулебакин принял Н.Н. Лузина на работу в Институт автотелемеханики АН СССР (ныне Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН).